

Тело юноши вовсе не казалось худощавым, каким выглядело под просторными одеждами. Пропорциональное, лишённое малейшего изъяна, оно приковывало взгляд плавными очертаниями мускулов, сходящимися у ямочек на поясице, подобно заводи с кристально чистой водой.

Но не это приковывало взгляд сильнее всего.

Рваные шрамы покрывали всю спину Цзян Ту. Они походили на цветы дикой сливы, распутившиеся на чистом снегу и безжалостно растоптанные конскими копытами — так, что наружу проступил багровый сок. Из-за этого страшного узора на коже не осталось живого места, и зрелище внушало неподдельный ужас.

У Е Хуая перехватило дыхание. Он даже представить не смел, какое увечье могло оставить столь жуткие отметины.

Цзян Ту быстро переоделся. Грубая холщовая рубаха едва ли отличалась мягкостью, но это всё же было лучше, чем липнувший к коже погребальный саван.

Заметив, что мальчик так и застыл на месте, Цзян Ту решил, что тот просто робеет переодеваться при посторонних.

— Я отвернусь, переодевайся, — негромко произнёс он.

Но Е Хуай отчаянно замотал головой:

— Нет, дело вовсе не в этом!

Цзян Ту приподнял бровь:

— А в чём же?

Не признаваясь же, что он бездумно засмотрелся на чужую спину. Щёки мальчика мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем, и он в замешательстве принялся терзать в руках выданную одежду.

Цзян Ту скользнул взглядом по его покрасневшимся ушам и всё понял.

— Увидел шрамы?

— Я не хотел прослыть непочтительным, господин, — пробормотал Е Хуай, стыдливо опуская голову. — Просто... просто подумал: вам ведь было очень больно?

И тут же испуганно замахал руками:

— Простите! Я вовсе не пытаюсь выведать тайны вашего прошлого, забудьте мои слова, умоляю...

— Я не помню, — спокойно отозвался Цзян Ту.

Е Хуай осекся.

Лицо собеседника оставалось бесстрастным. О чужом несчастье он говорил с таким безучастием, точно оно его вовсе не касалось:

— Моё прошлое скрыто во тьме. Я ничего не помню.

И это было правдой. Цзян Ту был мёртв уже добрую тысячу лет.

Спустившись в царство мёртвых, он не помнил о себе ровным счётом ничего. Суровые законы преисподней гласили: без утерянного прошлого душе заказан путь к перерождению.

Тогда Император призраков, Сун Хэн, милостиво пожаловал ему необременительную должность Владыки преисподней. Так Цзян Ту и остался нести службу в загробном мире, безуспешно пытаясь отыскать крупинцы былых воспоминаний.

Увы, даже всемогущие силы подземного царства не смогли отыскать ни единой зацепки, способной пролить свет на его прошлую жизнь.

Вся эта сонная рутина продолжалась до тех пор, пока над миром не нависло страшное пророчество о гибели всего сущего. Вот тогда-то его и отправили обратно, в мир живых.

Мальчик перед ним потрясённо распахнул глаза. В его взгляде сквозило такое искреннее сострадание, словно его самого ударило молнией:

— Простите меня... я не должен был спрашивать, господин.

Цзян Ту лишь покачал головой:

— Оставь. Прошлое мёртво, Е Хуай. Живым нужно смотреть только вперёд.

Потребовалась тысяча лет скитаний во тьме преисподней, чтобы прийти к этой простой, но горькой истине.

И сейчас эти слова предназначались испуганному, затравленному подростку, чей разум всё ещё оставался в плену пережитых кошмаров.

Цзян Ту надеялся, что тот поймёт скрытый смысл его напутствия.

И действительно, во взгляде Е Хуая что-то дрогнуло. Он медленно склонил голову:

— Благодарю за урок, господин.

Ревизовав, что сентиментальности на сегодня достаточно, Цзян Ту коротко кивнул:

— Вот и славно. Переодевайся и ложись спать.

— А? — растерялся мальчик.

Цзян Ту перевёл взгляд на окно. Нескончаемый ливень за стеклом лишь набирал силу, затягивая небосвод грозным маревом. Похоже, приближалась настоящая буря.

— Если не отдохнёшь сейчас, — добавил он, — ночью тебе точно будет не до сна.

Ещё минуту назад Е Хуай чувствовал себя бодрым.

Но стоило ему свернуться калачиком на постели, совсем рядом с Цзян Ту, как усталость навалилась свинцовой тяжестью. Мальчик прижался ближе, точно преданный пёс, ищущий защиты у хозяина. Вдыхая исходящий от мужчины тонкий, успокаивающий холодок, он сам не заметил, как его веки отяжелели, и погрузился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он от настойчивого стука в дверь.

На этот раз сон принёс долгожданное облегчение: голова больше не раскалывалась, а остатки дрёмы улетучились без следа. Но едва он открыл глаза...

...как кончик его носа упёрся в грубую холщовую ткань.

Е Хуай пулей отпрянул назад. Оказалось, за время сна он ухитрился забраться прямо под бок к Цзян Ту и теперь буквально висел на его руке!

И что самое ужасное — мужчина даже не подумал его оттолкнуть, безмолвно позволяя мальчишке проявлять подобную вольность.

— Г-господин! — в ужасе пискнул Е Хуай.

Мальчик покачнулся и едва не полетел с края кровати на пол, но Цзян Ту вовремя перехватил его поперек талии и затащил обратно.

— Снова кошмары? — невозмутимо спросил он.

— Нет, — замотал головой Е Хуай. — Вовсе нет...

А про себя до боли стиснул зубы.

"Е Хуай, ну какой же ты дурак! Сколько раз тебя предавали и обманывали? Как можно было так легко потерять бдительность из-за одной лишь доброй фразы?!"

Но... на сей раз кошмары действительно обошли его стороной.

Он уже и забыл, когда в последний раз спал так спокойно и крепко.

Пока подросток вновь предавался угрюмым размышлениям, Цзян Ту не стал его беспокоить. Он тихо поднялся с постели и направился к двери.

На пороге стоял вовсе не староста, а один из местных крестьян — Цзян Ту мельком видел его, когда они связывали Ван Паньди.

— Господин, пора, — глухо произнёс пришелец. — До часа Крысы остался всего один двухчасовой переход.

— Веди, — кивнул Цзян Ту.

Мужчина развернулся и повёл их в сторону родового храма.

Вокруг простиралась непроглядная тьма. Развешанные вдоль тропы красные фонари уныло покачивались под порывами ветра, напоминая увядающие, сочащиеся кровью бутоны.

Наклеенные повсюду иероглифы «двойного счастья» размякли от сырости, и алая краска грязными потёками въедалась в древесные волокна.

— Сегодня день великого торжества, — заметил Цзян Ту. — Почему же не видно никаких приготовлений?

Всё вокруг выглядело столь же уныло и безжизненно, как и днём.

— Всё готово, всё давно готово... — монотонно забормотал провожатый, увлекая их дальше.

Он шёл вперёд, не оборачиваясь.

Родовой храм располагался на самой окраине деревни Множества Благословений. Старая постройка под тёмной черепицей угрюмо возвышалась среди ветвей, а нескончаемый ливень стучал по крыше с глухим, погребальным звоном.

У входа застыли двое дюжих мужчин, каждый держал над головой по ярко-красному зонту.

Заметив недоумение во взгляде гостя, провожатый поспешно пояснил:

— Красный зонт приносит удачу. Таков обычай нашей деревни.

Опять эти рассказы про местные традиции.

"Какие на редкость причудливые нравы у здешнего люда. Даже я, будучи Владыкой преисподней, слышу о подобном впервые"

Доведя Цзян Ту до крыльца, крестьянин не стал переступать порог. Напротив, он попятился назад, прячась за спину мужчины.

Оглядевшись, он воровато извлёк из широкого рукава продолговатый лакированный футляр и вложил его в руку Цзян Ту.

— Староста велел передать, — зашептал крестьянин, — что мы безмерно благодарны вам за помощь. Здесь драгоценный женишень, примите пока эту малую часть. Как только девица взойдёт на свадебный помост, вторую коробку почтенный Афу принесёт вам лично.

Цзян Ту слегка подбросил шкатулку на ладони. Ноша оказалась на редкость увесистой. Изобразив на лице сдержанную радость, он ответил:

— Пустяки. Староста слишком щедр, мне даже неловко.

Глупый селянин не почуял подвоха.

— Главное — глаз не спускайте с девки, — кивнул он. — Если эта тварь вздумает сбежать, парни у входа мигом её скрутят. Так что не беспокойтесь, всё под контролем.

— Разумеется, — отозвался Цзян Ту, вновь покосившись на красные зонты.

Теперь мозаика сложилась. Стало ясно, зачем у дверей дежурят двое охранников.

Местные жители вовсе не были глупцами. Они подстраховались на случай, если чужак решит выпустить пленницу, и выставили надзирателей.

Впрочем, глупо было ожидать безоговорочного доверия от суеверных деревенских жителей. Было бы странно, доверь они судьбу ритуала первому встречному.

Считая разговор оконченным, Цзян Ту развернулся к дверям храма.

Однако провожатый вдруг хлопнул себя по лбу:

— Совсем из ума выжил! Господин, староста просил передать: перед наступлением часа Крысы обязательно проверьте наряд девки. Мы-то её осмотрели, но мало ли что эта змея могла спрятать в складках платья.

— И каковы требования? — бесстрастно поинтересовался Цзян Ту.

Крестьянин начал перечислять, точно зачитывал заученный наизусть указ:

— Невеста обязана быть в алом венчальном наряде, с покрытой головой. Волосы уложены в причёску, на ногах — туфли, ни единого лоскутка кожи не должно быть видно. Лицо выбелено, румяна нанесены густо, в косах — шпильки и кольца. Как сядет в паланкин — пусть сожмет в руках кусок белого нефрита, а ноги её накрепко свяжут верёвкой. Ей запрещено говорить, запрещено смеяться, запрещено плакать.

Цзян Ту нахмурился.

Голос крестьянина изменился. Он произносил слова, но казался мёртвым механизмом.

Монотонный, лишённый интонаций лепет напоминал треск испорченной музыкальной шкатулки. Мужчина тараторил без пауз, даже не пытаясь перевести дыхание.

При этом его рот медленно растягивался в уродливой гримасе, ушираясь к ушам. Сам он, похоже, этого не замечал — его глаза безумно таращились, а речь становилась всё более восторженной и неистовой.

Едва прозвучало последнее слово, крестьянин уставился на Цзян Ту остекленевшим взглядом, и из его горла вырвалось шипение, переросшее в утробный хохот:

— Хи-хи... Хи-хи-хи...

Безумный смех разносился во влажном воздухе. Лицо крестьянина сделалось мертвенно-бледным, с синеватым отливом, плоть начала ссыхаться на глазах, будто из тела разом выкачали всю жизнь. Щеки ввалились, кожа обтянула череп плотной сухой маской.

Но на впалых щеках проступили два идеально круглых, ядовито-красных пятна румян — словно вся оставшаяся кровь прилила к лицу.

Перед глазами Цзян Ту возник образ бумажных человечков, державших паланкин.

Сколько бы он ни сталкивался с подобным непотребством, привыкнуть к столь убогому зрелищу Владыка преисподней так и не смог.

— Понял. Прекрати этот балаган, — ледяным тоном оборвал его Цзян Ту.

Смех резко оборвался.

В мгновение ока облик крестьянина вернулся в прежнее состояние. На его круглом простоватом лице не осталось и следа жуткой кукольной маски, а сам он растерянно захлопал глазами, явно не помня о случившемся припадке:

— Простите, господин... Что вы сказали?

— Ничего, — бросил Цзян Ту, даже не удостоив бедолагу взглядом. — Я иду внутрь.

Мужик озадаченно почесал затылок. Ему показалось, что перед тем как уйти, этот вечно хмурый столичный франт окинул его взглядом, полным...

...глубочайшего презрения?

Двери храма с глухим скрипом распахнулись сами собой, повинувшись порыву ледяного сквозняка.

Цзян Ту перешагнул высокий порог, даже не поведя бровью.

Едва за ними закрылись тяжёлые дубовые створки, как засов с оглушительным треском защёлкнулся, подняв в воздух тучи вековой пыли.

Прикрыв нос широким рукавом, Цзян Ту окинул помещение пронизательным взглядом. Его зрачки на миг блеснули золотом во тьме.

Слабое пламя единственной свечи едва разгоняло густые тени, царившие в углах.

На алтаре громоздились ровные ряды поминальных дощечек с именами усопших предков. Они были свалены в хаотичные кучи и покрыты столь плотным слоем серой пыли, словно к ним уже много лет никто не прикасался.

Грязно-красные полотнища погребального шёлка, спускавшиеся из-под самого потолка, обвивали опорные столбы, застыв в неподвижном воздухе безжизненными саванами.

— Какой-то склеп, а не родовой храм... — едва слышно пробормотал за спиной Е Хуай.

Связанная по рукам и ногам Ван Паньди обнаружилась прямо у подножия заброшенного алтаря.

Девушка полулежала на дырявом пыльном соломенном мате. На неё уже натянули ярко-красное подвенечное платье, а лицо скрывало плотное покрывало в тон.

Цзян Ту приблизился и резким движением сорвал алую ткань. Перед ним предстало бледное, искажённое отчаянным ужасом лицо девушки.

Рот пленницы забивала грязная тряпка. Увидев неожиданных гостей, она отчаянно забилась на полу, пытаясь что-то выкрикнуть сквозь кляп.

Мужчина наклонился и вытащил ком ткани из её рта. Тряпка оказалась насквозь пропитана кровью — несчастная до кусков изорвала зубами собственные губы и щёки изнутри, пока пыталась освободиться.

Едва обретя способность говорить, Ван Паньди из последних сил поползла вперёд, прижимаясь лицом к подолу его одежды:

— Господин... Умоляю вас, пощадите! Вы ведь добрый человек, я вижу... Отпустите меня! Клянусь, я до конца дней своих буду молить богов о вашем здравии!

— И как же ты собираешься благодарить меня? — сухо прервал её излияния Цзян Ту. — Староста преподнёс мне бесценное сокровище — драгоценный женьшень. А что можешь предложить ты?

Он по-прежнему стоял склонившись над ней. Пряди его длинных иссиня-чёрных волос мягко скользнули по плечам, контрастируя с хищными, застывшими чертами лица. В полумраке

храма мужчина казался изваянием безразличного божества, чуждого любым людским мольбам.

Запал Ван Паньди мгновенно угас, голос задрожал от бессилия:

— Я... Я сделаю всё, что прикажете... Любую работу, только не выдавайте меня им...

Цзян Ту разочарованно качнул головой, словно ответ девицы его совершенно не устроил. Тяжело вздохнув, он вновь свернул окровавленную тряпку в плотный комок и занёс руку над её лицом, намереваясь вернуть кляп на прежнее место.

Лицо девушки вспыхнуло от ярости и унижения. Понимая, что терять ей больше нечего, она сорвалась на истошный крик:

— Да неужто ты думаешь, будто этот проклятый корень принесёт тебе счастье?! Тот женишень выращен на человеческой плоти и крови! Им поливали землю, куда закапывали замученных до смерти девственниц! Каким же безумцем нужно быть, чтобы принять этот дар?! Твоя душа сгниёт заживо!

Е Хуай резко вдохнул воздух сквозь зубы.

Рука Цзян Ту застыла в воздухе.

Он медленно разжал пальцы, позволяя тряпке упасть на грязный пол. Неторопливо достав платок, мужчина принялся стирать чужую кровь со своих пальцев, после чего негромко произнёс:

— Вот теперь мы говорим на одном языке. Продолжай.

<http://bllate.org/book/19047/1916504>